

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРЕНИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-22.vvzy-k390

EDN: QPKQYU

УДК 316.346.3

П. В. МЕНЬШИКОВ, М. Р. АРПЕНТЬЕВА

МИФОЛОГЕМА «ОТЛОЖЕННОГО СТАРЕНИЯ» В ПРАКТИКЕ И ТЕОРИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ

Отказ от взросления и отсутствие маркеров взросления описываются как более или менее нормативные «задержки» психического и иного развития, а отказ от старения и отсутствие соответствующих маркеров — как некий, также временный, отчасти желаемый, но все же «рискованный» феномен. Исследуя этот вопрос, мы сталкиваемся с другим вопросом: какого рода риски имеются в виду, что и для кого представляется и является (если является) рискованным? Цель исследования — осмысление мифологемы «отложенного старения» в практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости. Метод исследования — теоретический анализ проблематики «отложенного старения» в практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости. Мифологема «отложенного старения» в практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости играет и положительную, и отрицательную роль, как и известный феномен «витаукта», позволяющий, с одной стороны, объяснить не укладывающиеся в нормативную схему старения феномены и, с другой стороны, отражающий общее нежелание специалистов пересматривать само понятие старения и старости, его механизмы и границы. Это проявляется как в биомедицинских, так и социально-психологических и возрастно-педагогических исследованиях. Вместе с тем игнорируется комплекс данных о том, что старение, как и взросление, социокультурно нормировано и, таким образом, «запрограммировано» на уровне социально-психологических сценариев, передающихся в ходе воспитания и обучения, а также последующей жизнедеятельности человека через все существующие каналы и сферы отношений людей. В статье определено, что мифологема «отложенного старения» в современной практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости является одним из симулякров, позволяющих описывать попытки стареющих людей оставаться людьми и решать задачи самоактуализации как самоосуществления, вопреки

окружающему их принуждению к умиранию после завершения в разной мере успешных попыток самореализации. Помощь человеку — на всех этапах его развития — это помощь в осознании, постановке и достижении задач самоактуализации.

Ключевые слова: мифологема, отложенное старение, развитие человека, период взрослости, витаукт.

PETR V. MENSNIKOV, MARIAM R. ARPENTIEVA

THE MYTHOLOGY OF “DELAYED AGING” IN THE PRACTICE AND THEORY OF ACCOMPANYING HUMAN DEVELOPMENT DURING ADULTHOOD

Refusal to grow up and the absence of markers of maturation are described as more or less normative “delays” of mental and other development, and refusal of aging and the absence of corresponding markers are described as a certain, also temporary, partly desirable, but still “risky” phenomenon. In exploring this question, we are faced with another question: what kind of risks are meant, what and for whom appears and is (if it is) risky? The purpose of the study is to understand the mythology of “delayed aging” in the practice and theory of accompanying human development during adulthood. The research method is a theoretical analysis of the problems of “delayed aging” in the practice and theory of accompanying human development during adulthood. The mythology of “delayed aging” also plays a positive role in the practice and theory of accompanying human development during adulthood, and a negative role, like the well-known phenomenon of “vitauct”, which allows, on the one hand, to explain phenomena that do not fit into the normative scheme of aging, and, on the other hand, reflects the general reluctance of specialists to reconsider the very concept of aging and old age, its mechanisms and boundaries. This is manifested both in biomedical and socio-psychological and age-pedagogical studies. At the same time, a complex of data is ignored that aging, like growing up, is socioculturally normalized and, thus, “programmed” at the level of socio-psychological scenarios transmitted during upbringing and training, as well as subsequent human life through all existing channels and spheres of human relations. The mythology of “delayed aging” in modern practice and theory of accompanying human development during adulthood is one of the simulacra that makes it possible to describe the attempts of aging people to remain human and solve the problems of self-actualization as self-realization, despite the compulsion surrounding them to die after completing, to varying degrees, successful attempts at self-realization.

Keywords: mythology, delayed aging, human development, period of adulthood, vitauct.

Введение

Социокультурный характер возрастного развития не является секретом для многих исследователей в области социологии, психологии, педагогики, биологии и иных наук, занимающихся изучением развития человека¹. Помимо генетических программ и основанных на них сценариях биологического и социального развития, существующих у животных, у человека отмечается существенное влияние на его взросление и развитие социокультурных сценариев и связанных с ними нормативов (Абрамова 2004; Альперович 2005; Анцыферова 2004а; Арпентьева 2018; Бороздина, Молчанова 2004; Ливенхуд 1994; Стрижицкая 2016а, 2016; Шахматов 2004; Эриксон 2010 и др.).

Так, если в XX в. к людям «третьего возраста» (young old) и «четвертого возраста» (old old) (П. Ласлетт, Б. Нейгартен, Э. Шанас и др.), периоду «второй зрелости» и т. п. исследователи относили тех, кто старше 50 лет, то в последние годы их относят к людям старше 60 и даже 65 ÷ 80+ лет (Ст. Барнс и др.) (Baltes 1998; Barnes 2011; Laslett 1985; Neugarten 1974). Более ранние типологии XIX в. «смещали» старость и к 30–40 годам, особенно для женщин. Старение связывалось с утерей способности рожать, вскармливать и «ставить на ноги» своих детей и, видимо, сохранять внешнюю привлекательность. Однако женщины Японии, Латинской Америки, в том числе индейских племен, согласно ряду источников, не теряют такой способности и молоджавости гораздо дольше или даже совсем. Так, период «менопаузы» (климакса), нередко страшный для женщин и даже мужчин других стран, в Японии именуется «*kopenki*», обновление (Яркина 1993). Для индейских женщин менопауза — счастливое время жизни, свободное от ограничений и запретов юности, или даже наступление священного периода, когда женщина (и мужчина) может ощутить «возрожденную силу», углубиться в свой внутренний мир, а может, как, например, индейцы племени мохаве, продолжить активную сексуальную жизнь вплоть до смерти (Devereux 1950). В России прошлых веков и современности также

¹ М. Д. Александрова, Н. Х. Александрова, В. Г. Ананьев, П. Б. Балтес, Ст. Барнс, Р. Н. Батлер, Е. Бетина, Д. Б. Бромлей, З. А. Бутуева, Р. М. Вебер, Дж. Винсент, М. В. Гамезо, Н. В. Гудков, И. В. Давыдовский, М. В. Ермолаева, В. А. Иванов, Н. М. Иовчук, Т. В. Карсаевская, О. В. Краснова, Н. А. Коротчик, Т. А. Куликова, П. Ласлетт, А. Г. Лидерс, А. Г. Маслоу, И. И. Мечников, М. Р. Минигалиева, А. А. Нагорный, Б. Нейгартен, И. П. Павлов, Д. М. Рогозин, К. Роджерс, Е. Ф. Рыбалко, Т. Н. Сахарова, Е. А. Сергиенко, Г. Г. Силласте, Н. В. Секарева, Л. В. Сенкевич, О. Ю. Стрижицкая, Л. Торнстам, В. В. Фролькис, О. В. Хухлаева, И. В. Чеботарев, А. Б. Шагидаева, Э. Шанас, В. Д. Шапиро, А. Т. Шаталов, Н. Ф. Шахматов, Э. Эриксон.

описаны, хотя и как «рекорды», случаи рождения детей у женщин старше 60 лет. Случаи появления детей у мужчин еще более зрелого возраста существенно более часты. Малоизвестны, но есть и данные о том, что у древних славян возраст 60+ означал начало зрелости: до 60 человек считался совсем молодым, юным. Аналогичная динамика наблюдается у современных нам хунзакутов (племя хунза), которые живут в своем «оазисе молодости» между Индией и Пакистаном 120–180 лет, к 50–60 годам достигая зрелости. Эту традицию они унаследовали вместе с иными традициями своих предков. Правда, по некоторым сведениям, они используют календарь, год в котором равен промежутку времени между солнцестояниями (то есть равен половине «обычного» года). Но по другим, более широко известным, данным, речь идет об обычной длительности года и специфическом образе жизни, дающем людям этого племени высокую трудоспособность, осознанность и жизнерадостность (и, как один из сопутствующих эффектов, — «моложавость»). Представление о возрастном развитии людей у индейцев майя включало описание циклов длительностью 52 года: количество циклов жизни при этом не ограничивалось (Муродова 2019). Свои представления о нормальной длительности и предназначении жизни людей разных типов («каст») есть у жителей Тибета и Индии (Востоков 2000; Левин 2010), а также о том, как именно достичь счастливой, здоровой и долгой жизни или восстановить утерянное здоровье и функции, включая функции деторождения (Левин 2010).

Библейские и иные религиозные доктрины в вопросах оценки длительности жизни человека также кардинально расходятся с теми, что приняты как «само собой разумеющиеся» сейчас, при этом разделяются понятия «срока жизни» конкретного индивида и возможной длительности жизни как таковой (вплоть до бессмертия). Не существует и универсального представления о жизни человека как биологического существа, в том числе существа, «генетически запрограммированного»: несмотря на наличие «общеизвестных» теорий и «данных», которые на самом деле являются скорее гипотезами, чем фактами (Гюнтер и соавт. 1982; Моисеев, Александров, Тарко 1985; Шредингер 2002). В любом случае для исследователей и практиков проблема «отложенной старости» чаще всего звучит как проблема «отложенной смерти»: поиски путей бессмертия остаются в центре и научных, и даже повседневных поисков и разработок многих людей. Э. Шредингер полагал, что живой организм может освобождаться от энтропии: «Живой организм может избежать этого состояния (смерти), то есть оставаться живым ... постоянно извлекая из окружающей среды отрицательную энтропию...

Отрицательная энтропия — это то, чем организм питается» (Шредингер 2002: 75). При этом, как отмечал Э. Либберт, «живыми называются такие системы, которые способны самостоятельно поддерживать и увеличивать свою очень высокую степень упорядоченности в среде с меньшей степенью упорядоченности» (Гюнтер и соавт., 1982: 12). Принцип Л. Осангера гласит, что если число возможных форм реализации процесса не единично, то осуществляется та форма, при которой энтропия увеличивается медленнее всего (Моисеев, Александров, Тарко 1985). В синергетике используется понятие структурной энтропии как меры неупорядоченности систем, а упорядочивание и усложнение равносильно накоплению информации: развитие означает отрицательную энтропию, рост упорядоченности. В нетрадиционной медицине современности, обращающейся к принципу анэнтропичности (неразрушимости, отрицательной энтропии по Э. Шредингеру, неэнтропии по Л. Бриллюэну, принципа минимума роста энтропии Л. Онсагера) живого, существует модель, состоящая из 90-летних циклов развития человека, в которой каждые 45 лет происходит смена тенденций старения и омоложения (накопления / распада и развития / совершенствования). Эта теория подтверждается, в частности, тем, что у сохранивших свое здоровье людей 90-летнего возраста состояние внутренних органов напоминает состояние таковых у 20-летних, а также расхожим стереотипом «в 45 баба ягодка опять», фиксирующим наличие тенденций самоомоложения организма на рубеже 40–50 лет.

В целом исследователями совершенно справедливо отмечается, что «продленная юность», все чаще наблюдаемая исследователями и самими людьми, «влечет более позднюю зрелость и, соответственно, отложенное старение». Однако справедливость этого утверждения оставляет иллюзию того, что речь идет «всего лишь» о том, что старение, как и взросление, можно несколько «растянуть» и «отодвинуть», но, естественно, не избежать. Отказ от взросления и отсутствие маркеров взросления описываются как более или менее нормативные «задержки» психического и иного развития, а отказ от старения и отсутствие соответствующих маркеров — как некий, также временный, отчасти желаемый, но все же «рискованный» феномен. Исследуя этот вопрос, мы сталкиваемся с другим вопросом: какого рода риски имеются в виду, что и для кого представляется и является (если является) рискованным? И как с этими рисками связана, как метко отметил Б. З. Вульф (Вульф 1995), «драма не востребоованности» стареющих людей: если не считать инвалидизацию и хронические болезни, социальную незащищенность и обнищание, бесприютность

и одиночество, потерю родителей, сверстников, привычного и осмысленного мира, то не востребованность, как нереализованный и нереализуемый потенциал, приводящий к формированию переживаний или опасений своей ненужности, — основная проблема старения человека в львиной доле современных «цивилизованных» сообществах, а также бессмысленности и непринятию своей жизни, ее событий и жизненного пути в целом, как в отношении прошлого и настоящего, так и вероятного будущего.

Происходящая в каждый период жизни перестройка нужд и стремлений и переоценка ценностей особенно активно проходит в период «второй взрослости», когда на первый план выходят жизненные позиции (направленность) человека как целостности, его «метамотивации» жизни. При этом ограничивать «старение» принятием жизни в модусе «прошлого» означает сворачивать жизнь, формировать и реализовывать программу умирания, не попытавшись задаться вопросом об альтернативах. Именно в контексте альтернатив и возникают основные индивидуальные и социальные «риски» «отложенного старения». Сейчас, когда человек стареет, он понимает, что время, когда он был нужен и надеялся быть нужным всегда, истекает. Что его близкие (родители, сверстники) покидают этот мир и уносят с собой часть него самого: той его жизни, которая была известна ему и им и не известна, не нужна, чужда более молодым. Привычный мир также уходит, жизнь продолжает изменяться, требуя изменений, на которые человек порой уже не чувствует ни способности, ни стремления: легче умереть, чем измениться. Легче замкнуться в мире «принятия прошлого», чем продолжать жить, «ставя на карту» самого себя вновь и вновь. И, конечно, если задачи развития, совершенствования («упорядочивания») и обмена «информацией» не стояли или не были реализованы в предыдущие периоды жизни, трудно «бросить вызов» устоявшемуся положению дел и «наконец заняться собой». Цели, ресурсы и отношения: их богатство, нужность и реалистичность определяют длительность и качество жизни, ее сценарий, включая сценарий старения (Арпентьева 2019).

Результаты исследования

Цель исследования — осмысление мифологемы «отложенного старения» в практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости. Метод исследования — теоретический анализ проблематики «отложенного старения» в практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости.

Современная модель старения настаивает, в контексте вполне статистически закономерной логики, фиксирующей достоверно известную науке смертность 100% людей, на том, что целью науки и практики помощи стареющим людям является профилактика и коррекция его преждевременного, «старческого» увядания и смерти. Отечественные и зарубежные исследователи полагают, что человек сохраняет способность к активной и успешной жизнедеятельности до тех пор, пока он получает соответствующие нагрузки (Абрамова 2004; Адлер 1997; Александрова 2004; Альперович 2005; Анцыферова 2004б; Арефьева 2004; Арпентьева 2017; Бетина 2007; Бовуар де 1994; Бороздина, Молчанова 2004; Бохан и др. 2017; Братусь 1980; Дмитриев 2005; Карсаевская, Шаталов 2000; Крицкая 2004; Марцинковская 2004; Маслоу 1999; Медведева 2000; Мелёхин 2014; Милькаманович 2008; Минигалиева 2004а; Минигалиева 2004б и др.). При этом развитие связано с тем, что нагрузки качественно и количественно увеличиваются (Братусь 1980; Ливенхед 1994; Минигалиева 2000в; Минигалиева 2000г; Стюарт-Гамильтон 2010; Фролькис 2005; Холостова 2005; Шапиро 2000; Шаповаленко 2004; Шахматов 2004 и др.). А стагнация / автоматизация и последующая деградация — с тем, что нагрузки и развитие удерживаются на определенном стабильном уровне. Из этого вытекает, в частности, то, что задачи развития человека «второй взрослости» де-факто не ставятся. Ставятся задачи увеличения сроков и качества жизни индивида, то есть характера старения. Однако даже проблема «биологического лимита» времени жизни до сих пор не является решенной, несмотря на то что «достоверно известные» науке случаи старости с 100% вероятностью завершаются, как отмечалось, смертью, и то, что случаи и свидетельства, не входящие в эти 100%, наука предпочитает относить не только к недостоверным, но и ложным. При этом ученые отмечают, что «наряду с инволюционными процессами, на всех уровнях организации человека происходят изменения и новообразования прогрессивного характера, которые позволяют предупреждать или преодолевать деструктивные (разрушительные) явления в пожилом и старческом возрасте» (Бетина 2007: 10), в том числе способность противостоять негативным стереотипам старости / старения, формируя вневозрастную идентичность («либерализация от старения») и разрешая освобождение от ограничений предыдущих возрастов («либерализация старения») (Дж. Винсент, Д. М. Рогозин) (Рогозин 2012). О. В. Краснова, А. Г. Лидерс (2002), развивая концепцию социальной активности старения, отмечают важность успешности, счастья в период старения, психологического и социального благополучия.

Мифологема «отложенного старения» в практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости играет и положительную, и отрицательную роль, как и известный феномен «витаукта», позволяющий, с одной стороны, объяснить не укладывающиеся в нормативную схему старения феномены и, с другой стороны, отражающий общие трудности пересмотра самих понятий старения и старости, механизмов и границ старения (Минигалиева 2001; Минигалиева 2003; Москвичева 2004; Попова 2019; Пряжников 2004; Рогозин 2012; Сапогова 2013; Стрижицкая 2016а, 2016; др.). Это проявляется как в биомедицинских, так и социально-психологических и возрастно-педагогических исследованиях. Вместе с тем нередко в той или иной мере игнорируется комплекс данных о том, что старение, как и взросление, социокультурно нормировано и, таким образом, «запрограммировано» на уровне социально-психологических сценариев, передающихся в ходе воспитания и обучения, а также последующей жизнедеятельности человека через все существующие каналы и сферы отношений людей, что оно зависит и от собственного выбора человека. Поэтому, в частности, многие геронтологи также рассматривают старение «функционально»: его «градации» происходят не столько по годам, сколько по функциональным возможностям: если человек «за 60» лет живет так же, как и в 30, то фактически он относится к последней группе (Анцыферова 2004б; Ливенхуд 1994; Минигалиева 2001; Минигалиева 2003; Пряжников 2004; Сапогова 2013; Стрижицкая 2016а, 2016; Эриксон 2000). Также не решен вопрос о различии «нормального» и «патологического» старения, их механизмах и специфике, обычно отсутствие патологических изменений воспринимается как достижение (Aldwin, Gilmer 2003), что противоречит пониманию «нормального» развития и даже функционирования в предыдущие периоды. Интересно также обратить внимание на момент, выделенный Б. Г. Ананьевым: подъему и качественному преобразованию функции всегда предшествует ее спад и структурный распад. Термин «благополучное старение», предложенный Е. А. Сергиенко, сходен с понятием «позитивное» или «успешное старение» (Martinson, Berridge 2015) и, шире, «позитивное функционирование»; наиболее актуальной на сегодняшний день моделью последнего описываются пять сфер позитивного функционирования: 1) внимание и осознанность, 2) совладание, 3) цели, 4) привычки, 5) связи и взаимоотношения. Л. В. Сенкевич и А. Б. Шагидаева подчеркивают, что в пожилом возрасте смысл жизни, основанный на системе ценностей и нравственных принципов, становится медиатором психологического благополучия и жизненного оптимизма (Сенкевич, Шагидаева 2017).

Рефлексия прожитой жизни, пересмотр жизненного пути в «возрасте осени» с неизбежностью приводит человека к вопросу смысла (Мелёхин 2014; Сапогова 2013; Сергиенко, Харламенкова 2018). Как пишет Д. А. Леонтьев: «...от жизнедеятельности к житнетворчеству, от смысловой регуляции к регулированию смыслов, от психологии „изменяющейся личности в изменяющемся мире“ — к психологии личности, творящей и изменяющей себя и свой жизненный мир» (Леонтьев 2007: 393). Согласно Т. Н. Сахаровой, «именно за старостью как возрастным этапом развития закреплено право и необходимость выбора смысла и цели жизни, а следовательно, возможности прогрессивного или регрессивного изменения личности» (Сахарова 2011: 138). Как считает Е. А. Сергиенко, парадокс старения заключается в том, что при ухудшении физического здоровья удовлетворенность жизнью и психическое благополучие могут сохраняться или даже улучшаться. Психическое и психологическое здоровье пожилых людей во многом зависит от открытости опыту, умонастроений и жизненных установок, позитивного отношения к собственному возрасту. В пожилом возрасте возрастает потребность в интеграции и оценке значимости собственной жизни. Субъективная оценка пожилыми людьми значимости жизни придает ей психологический смысл, установки на принятие самой жизни, выступая при этом личностным ресурсом (Сергиенко, Харламенкова 2018).

Е. Бетина отмечает, что при старении самоосуществление «может быть заблокировано развитием таких форм возрастного кризиса, как кризис опустошенности, кризис нереализованности и кризис бесперспективности. Развитие кризисных состояний, блокирующих самореализацию личности в пожилом возрасте, вызывается разрывом связи между жизненными событиями прошлого, настоящего и будущего, утратой жизненной перспективы. Условиями, влияющими на развитие кризисных состояний у пожилого человека, являются социальные условия жизни и его ... характеристики» (Бетина, 2007: 5). По ее мнению, «возникновение каждой формы возрастного кризиса обуславливается своим специфическим набором условий» (Бетина, 2007: 20). На возникновение кризиса нереализованности влияют: низкая образованность и творчески-познавательная активность, отсутствие ценностей самоактуализации и значимых событий в течение жизни («жизнь впустую»). Возникновение кризиса опустошенности связывается с отсутствием / потерей семьи; негативным отношением к процессам старения / развития / переменам, а также к старости и стареющим людям как таковым, с отказом или отсутствием ответственности за события своей жизни. Кризис бесперспективности соотносится с негативным

отношением к собственному здоровью и развитию человека в период «второй взрослости», с ощущением / страхом ненужности; отсутствием планов и целей, а также любимых занятий / хобби и контактов (друзей и любящих родных); отсутствием усилий самоактуализации и перекладыванием ответственности за свою активность и состояние на других.

Интересное понятие, отражающее попытку осмыслить развитие человека после 50 лет, — понятие геротрансцендентности, тесно связанное с психологическим благополучием и социальной активностью пожилого или старого человека. Интегральной предпосылкой геротрансцендентности (Л. Торнстам, О. Ю. Стрижицкая) как специфической системы психологических характеристик, позволяющих максимально полно и эффективно реализовать свой потенциал, является новое, «геротрансцендентное» понимание себя и мира как особое новообразование периода старения, приводящее к оптимальному старению, при котором происходит ряд психологических трансформаций — на личностном (и телесно-физическом), социальном и космическом уровнях, включая принятие таинства жизни как одной из ее составляющих. Условием такого новообразования выступает жизненный опыт, определяющий «почерк старения», вариативность психологических характеристик людей в период старения, а также позитивное / успешное функционирование на более ранних этапах онтогенеза, включая направленность на саморазвитие (как самореализацию и как самоактуализацию), принятие собственной жизни, ее успехов неудач (Стрижицкая 2018).

Помимо самого человека, на его жизнь, качество и продолжительность жизни активно влияют как «стейкхолдеры» члены его семьи, ближнее и дальнее социальное окружение, государство и бизнес-структуры, в том числе наднациональные. Заинтересованность данных «стейкхолдеров» может носить как однозначный, так и противоречивый характер, предполагающий различные сочетания витальных и антивитальных интересов, разную меру стремления удовлетворения собственных желаний («наживы») и нужд за счет жизни или смерти человека. Многочисленные современные сообщества и государственные монолиты мира, не говоря уже о надгосударственных структурах типа ООН, ВОЗ, интенсивно интегрировавшихся с крупнейшими корпорациями «большого бизнеса», интенсивно и широко декларирующие и рекламирующие «заботу о человечестве и планете», в целом заинтересованы в том, чтобы иметь легкообучаемый и легковоспитываемый, легкоуправляемый и, в итоге, легкоутилизируемый «трудовой капитал». Особые надежды здесь возлагаются на управление (манипуляции) средой проживания людей, а также введение законодательных и технологических

механизмов управления большими и малыми группами, в том числе на основе модели «цифрового концлагеря», усовершенствованной благодаря внедрению цифровых технологий модели всемирной тюрьмы-паноптикума (И. Бентам). Помимо цифровых средств управления / манипуляции жизнью человека («умных устройств», собирающих малые и «большие данные», нейроинтерфейсов, прямо направляющих («поддерживающих») активность человека), такая модель предполагает активное вовлечение («добровольчество») в процесс слежки («надзора») и наказания («стигматизации» и т. д.) окружающих человека людей («доносчиков» и иных «шпионов»), а также блокировку способности и готовности к (само)развитию самого человека. Примером может служить разрабатываемая на основе системы «социального кредита» Китая (внедрена в 2014 г., законодательно оформлена в 2021 г.) «система социального скоринга» (платформа социального рейтинга «Мы»). Она создается «на специально созданной квалитетической платформе с использованием вероятностных и статистических моделей оценивания. Одним из результатов исследования станет создание такой системы, которая может использоваться органами власти всех уровней, общественными организациями для реализации оперативной и объективной социальной поддержки населения» (Уроженко 2023: 1). При этом «социальный статус — отражение своего рода заслуг человека, а социальный уровень — оцифровка как бы его перспектив», «ожидания государства от резервов развития человека и проявление готовности поддержать реализацию его персональных перспектив на благо страны и для развития солидарного общества». «Социальный статус скоринг-кода — метрика накопленных качеств и особенностей человека, отражение его совокупного опыта, образования, возраста, заболеваний, заслуг, социальных особенностей, наград, потребностей, подтвержденных прав и прочих нюансов, в совокупности характеризующих его значимость в социальном плане и градус социального внимания, проявление которого ожидается в отношении данного человека в моменте, но в связи с его прошлым», а «социальный уровень скоринг-кода — количественная характеристика достигнутых промежуточных результатов, специальности и профессии, должности, того же образования и возраста, амбиций и устремлений, достижений, мотивов и прочих особенностей, в совокупности характеризующих его потенциал в социальном плане и угол социальной перспективы, под которым ожидается проявление внимания к данному человеку в текущем моменте, но в связи с его будущим» (Алиев, Бородулина 2022: 1). «Далее... в аналитическую работу должно будет ввести те Федеральные законы, официальные

подзаконные акты, документы законо- и нормотворчества регионального и местного уровней, которые прямо касаются социальной сферы. Маркер полноты здесь, по крайней мере для граждан, понятен — это те самые 387 видов мер социальной поддержки для граждан» (Алиев, Бородулина 2022: 1). Мотивы внедрения такого рейтинга декларируются следующие: «справедливость, социальная в особенности, и должна быть фундаментальной ценностью и основанием всей нашей социальной системы» (Алиев, Бородулина 2022: 1). Если обратиться к тому, как такая система работает в Китае, а также налаживается в Казахстане (куда она была продана и откуда «адаптируется авторами» в России), социальный рейтинг (рейтинг социального доверия) — система оценки граждан и организаций, который определяет степень «благонадежности», распределяя не только «поощрения», но и ограничивая права и возможности «неблагонадежным» гражданам. Таким образом, «справедливость» надзорно-капиталистического типа предполагает возможность и необходимость активно манипулировать правами и возможностями людей, а также членов их семьи. И, поскольку «стареющий» человек в рамках такой системы будет иметь только заслуги, но не перспективы, постольку данная система демонстрирует, как можно и как планируется ограничивать права людей после 50 лет. На фоне уже традиционных в последние 30 лет предпочтений работодателей России, предполагающих брать на работу не обремененных проблемами людей в возрасте «до 35 лет», и прогрессирующего увеличения «пенсионного возраста» возникает далеко не справедливая система, целью которой, в противовес декларациям, никак нельзя назвать поддержку людей.

Об этом говорят и многочисленные свидетельства эйджизма в отношении пожилых и старых людей. Так, в некоторых, в том числе отечественных, учебных пособиях, научно-популярных и даже научных статьях и иных текстах, начиная с конца XX в., и особенно в начале века нынешнего, посвященных «второй взрослости», геронтологии как таковой, помощи стареющим людям, нередко напрямую транслируется эйджистская, стигматизирующая идея о том, что люди периода второй взрослости, пенсионеры и тем более старики являются неким «мусором», «отбросами на пути эволюции», жизнь которых якобы связана с ненужными обременениями для их близких (активно вытесняющих их как с трудового, так и семейного поля активности и даже хобби) и государства (якобы вынужденного содержать их, выплачивая пенсионные и иные сопутствующие пособия, дотации, обеспечивая работу институтов социальной поддержки и т. д.). В благодарность и понимание этого положения дел пожилым людям и старикам авторы таких

«исследований», не сомневаясь в своей позиции, ее «объективных» и «субъективных», в том числе нравственных основаниях, не обращая свой взгляд на себя как будущих пенсионеров, пожилых людей или стариков, утверждают необходимость ускоренно и незаметно исчезать со сцены трудовой и семейной жизни (умирать). Доктрина «мальтузианских ножниц» и ее разработки в виде модели «золотого миллиона — мусорного миллиарда» совершенно четко проявляет себя в этих установках и поддерживает именно такое, деструктивное, отношение к человеческой жизни, как и рейтинги, разрабатываемые якобы в «поддержку» пожилых и иных нуждающихся. Неудивительно, что помимо ускорения изнашивания организма и повышенной смертности растет заболеваемость сердечно-сосудистыми (болезнь, психосоматический смысл которой манифестирует осознание своей ненужности и невозможности достичь целей), онкологическими (болезнь непризнанности / неподтвержденности значимости и самого факта бытия человеком, отсутствия поддержки и расчеловечивания) и психическим нарушениями. Так, известное нарушение, обозначаемое как деменция, или «болезнь А. Альцгеймера» (сейчас наблюдаемое уже у никому не нужных, предоставленных самим себе и компьютерам современным подросткам), становится одной из наиболее характерных черт поколений «второй взрослости». Помимо здорового образа жизни, медикаментозной поддержки, психосоциальных мер и т. п., даже психологи, занимающиеся проблемами психосоматики, практически не ставят и не обсуждают вопрос о психологических причинах и механизмах деменции, о ее «целях». От болезни А. Альцгеймера, по мнению исследователей, невозможно излечиться и ее трудно предотвратить: доступные методы (психо-, фарм- и социо-) терапии могут лишь несколько повлиять на симптомы, но все же остаются в своей основе паллиативными. Но вместе с тем причины и цели данного нарушения вполне очевидны, стоит лишь осуществить наблюдение за теми, кто уже столкнулся с первыми признаками деменции: помимо того, что на протяжении всей жизни сообщества многих «развивающихся» и иных «промежуточных» стран (второго, третьего и т. д. мира), включая Россию, транслируют своим членам отсутствие интереса к их жизни, их ненужность, незначимость и не востребованность, заинтересованность в скорейшем «сокращении» якобы «излишнего» числа своих членов, помимо того, что в странах «первого мира» масштабно реализуются те же самые программы сокращения населения, социальной стратификации и кастомизации населения с помощью разного рода «социальных рейтингов», закрепления прав наследования не только финансового (социально-экономического), но

и социально-политического статуса, пожилым и старым людям, особенно если это люди, принадлежащие к группам с самыми низкими социально-экономическими и социально-политическими статусами, прямо транслируется необходимость «сойти с дистанции», «уступить место молодым», факт того, что они «мешают» своим взрослым детям и внукам, того, что они «больше не нужны» своей семье и являются обузой, чьи «причуды» нужно терпеть, кто, в условиях чудовищной скученности урбанизированных сообществ, занимает жилплощадь, на которую давно претендуют его потомки, кто не хочет «передавать наследство», на которое порой завистливо поглядывают и потомки, и государство, и иные, «третьи», лица, включая посторонних и т. д. Активность значительной части мошеннических группировок современности обращена именно на стареющих людей: не только потому, что их способности и возможности защитить себя снижены, но и потому, что это в целом отвечает общей государственной и социальной политике и отношению к пожилым и старым людям как «неизлечимо больным», «мешающим», «отбросам». Современная медицина, достигшая, как кажется, многочисленных успехов, все больше ограничивается помощью людям с высоким социально-экономическим статусом и, на время наиболее активной эксплуатации и выращивания «трудового капитала», поддержкой его работоспособности и фертильности. За пределами этих задач современная медицина практически теряет интерес к пожилым и старым людям, вплоть до полного отказа оказывать помощь. Стремление ограничить затрачиваемые ресурсы и увеличить прибыль в современной медицине также связано со стратегиями эскалации в области производства максимально дорогостоящих и якобы «новых» продуктов (лекарств, аппаратов, иных средств и оборудования), театрализация «доказательности» и «заботы» о здоровье населения.

Эти театрализации в современной социологии хорошо показаны Ж. Бодрийяром (2006), описавшим заботу как проявление наживы. Для умирающего капиталистического социума, пытающего выжить, перейдя к феодально-рабовладельческим отношениям, нажива — единственный критерий успеха и цель активности, которая совершенно противоположна целям развития человека уже в детском возрасте и критически психологически и социально деструктивна в период взрослой жизни. Несмотря на масштабную рекламу «социальной обеспеченности», позволяющей реализовать инстинктивные по своей сути программы превосходства, благополучия / комфорта и размножения, несмотря на утверждения о том, что человек развивается при

условии удовлетворения его «базовых» нужд (тех же инстинктов), в реальности каждый человек сталкивается с тем, что уже на старте своего развития имеет разные наборы ресурсов и, соответственно, доступных путей развития (и как социального осуществления — самореализации как достижения возможно более высокого социального статуса, и как самоосуществления своей внутренней сути, талантов и предназначения — самоактуализации). Он также сталкивается с тем, что ему предписывается достигать социальных успехов, не обращая внимания на то, что нужно ему самому. На этом фоне даже образование как приобретение неких компетенций начинает выглядеть помехой: при наличии интернета и открывающихся перспективах чипирования для «прямой передачи данных из компьютера в мозг» взаимодействие с педагогами и иные усилия и нагрузки кажутся излишними. В более взрослом возрасте, «задыхаясь» в атмосфере окружающей его и совершенно не отвечающей его внутренним нуждам «заботы» и предписаний аналогичной «заботы» о других, человек реализует более или менее успешный и более или менее фиктивный сценарий самореализации. Реже — обращается к задачам самоактуализации. В последнем случае он так или иначе сталкивается с рядом конфликтов (в семье, на работе и т. д.), с более или менее открытым противоборством с обществом и государством, побуждающим его оставить поиски самого себя ради более спокойного, упорядоченного и гарантированного существования. Современное мировое сообщество сталкивается с попытками финансово-промышленных корпораций выстроить неорабовладельческую модель «цифрового концлагеря»: «надзорный капитализм» предлагает людям доверить свое прошлое, настоящее и (вероятно, для кого-то и его детей не существующее) будущее некому общемировому государству, при помощи цифровых технологий «справедливо» выделяющему и распределяющему «пайки», внедряющему санкции против несогласных, ненужных или иных «вредящих» «всеобщему благу». Само «всеобщее благо», забота о нем есть, по умолчанию, забота о наживе тех, кто этим государством руководит. Тех, кто пытается противостоять, и тех, кто противостоять не пытается, государства разных стран стимулируют принять данную модель системой мер, включая повышение пенсионного возраста: принципиальное значение в этом повышении играет не столько сама по себе «отсрочка» выплат, сколько, при декларируемой востребованности стареющих людей как «трудового капитала» и рекламируемой «отсроченности» старения, принуждение человека отдавать все большее количество сил и времени необходимости такой борьбы.

И если состояние «выученной беспомощности» не сформировалось ранее, в процессе пребывания в школе и вузе, в ходе попыток построения трудовой карьеры и иных попыток достижения сколь-либо высокого и дающего чувство социальной признанности значимости и нужности статуса, то оно успешно формируется в момент, когда человек отдал этой борьбе основную часть жизненных сил и времени. Даже в 50–60 лет он все еще не может свободно выбирать, чем ему заниматься и как. У него нет на это ни временных, ни иных ресурсов, а, согласно социальным рамкам, за порогом 50–60 лет количество времени и сил «полноценной» жизни начинает стремительно уменьшаться: «очередь за смертью» становится все меньше. На фоне активной эскалации «борьбы», конфликта поколений, известных процессов вытеснения «стареющий» человек попадает в ситуацию, когда все, что ему остается, — это именно стареть. Борьба с этим решением нередко реализуется и в форме деменции («старческого маразма»), в форме рентно-паразитарной активности (человек перестает не только трудиться, но становится объектом порой тяжелого труда других).

Некоторые люди в период «поздней зрелости» все же находят для себя «отдушину», ищут, активизируют и наращивают то, что называют ресурсами для отложенного старения (трудовая и образовательная «занятость», иная социальная активность, например волонтерство, туризм и иные хобби и др.), в том числе включаются в так называемую «серебряную экономику». Стареющие общества, как и общества, понимающие, что на стареющих людях, как и на инвалидах, «можно заработать», активно вовлекают пожилых и старых людей в процессы разработки и потребления продуктов. Помимо собственно медицинской индустрии, традиционно и практически монопольно претендующей на основную часть доходов стареющих людей, сюда подключаются и иные сферы. В число стейкхолдеров их товаров и услуг часто входят высококвалифицированные пожилые и старые люди, пытающиеся сохранять свою занятость в науке и искусстве, в образовании и т. д. Они обращаются к практикам социального участия и здоровья, традиционно рассматриваемым как сферы самоосуществления стареющих. Однако такие практики и такое потребление само по себе не столько помогает им решить задачи самоактуализации, сколько, обычно, мешает. Любая деятельность, осуществляемая из страха / принуждения, состояний неполноты / неполноценности, ненужности / изолированности, хотя и может «случайно» подвести человека к задачам самоактуализации, но не сделает их свободными и независимыми, не позволит достичь

состояния транспарентности или равенства самому себе. И даже если в сообществах будет во многом внешне преодолен распространенный ныне эйджизм, будет проводиться линия солидаризации поколений. Общие, культуроцидные и геноцидные тенденции «надзорного капитализма» отражают демонстративный характер данных процессов как театрализации «заботы». Аналогичным образом, и солидарность возрастно однородных групп, как и гармония межпоколенных отношений, на фоне геноцидных программ мондиализма и «трансгуманизма» является всего лишь имитацией, симуляком, позволяющим надзирать за теми немногими «актерами отложенного старения» и противостояния тотальному, системному насилию государственного монолита, которые надеются что-то изменить.

В настоящее время, так же как и, согласно проектам трансгуманизма, в будущем, стареющие люди не представляют и не будут представлять социальной и государственной ценности. Логика 5-го и 6-го технологических укладов, призывающая поставить в центр экономико-политического развития человека, не может быть освоена актерами, создававшими свои проекты в логике 1–4-го укладов: рабовладельческая система отношений является основным препятствием, даже и тем более в форме цифрового концлагеря, формирующего состояние выученной беспомощности как «усталости», и неминуемо приведет к мощным социальным взрывам по всей планете (Бодрийяр 2006: 232–234). «Социальное неравенство добавляется к внутреннему разрыву между потребностями и стремлениями, делая это общество все более несогласованным, дезинтегрированным, „больным“. Усталость (или „астения“) может тогда интерпретироваться как ответ в форме пассивного отказа со стороны современного человека на описанные условия существования... „пассивный отказ“ является фактически скрытым насилием и ...только одним из возможных ответов, другие формы которых представляют собой открытое насилие» (Бодрийяр 2006: 231). «Усталость — это активность, скрытое, хроническое восстание, само по себе бессознательное... ее функция: „slowing down“ ... является (как невроз) единственным выходом, чтобы избежать тотального и настоящего „break down“... именно потому, что оно является активностью (скрытой), оно может внезапно превратиться в открытое восстание» (Бодрийяр 2006: 232).

Попытки минимизировать эти «взрывы» мы наблюдаем уже сейчас в форме различных «войн»: от серьезнейших деформаций среды проживания и развития человека (включая его питание и дыхание,

насыщенное антивитальными, каннибалистическими и т. п. компонентами и деформаций экологии в целом, позволяющими резко сократить продолжительность и снизить качество жизни человека так, чтобы ему хотелось умереть, и умереть побыстрее), от «экономических» и «политических» сражений, наблюдаемых в региональной и мировой экономике и политике (которые приводят к прогрессирующему обнищанию и маргинализации населения, развалу культуры и расчеловечиванию / вырождению индивидов, групп и отношений между ними), от региональных и мировых «сражений» с некими «новыми вирусами» (уже неоднократно запущенных надгосударственными структурами систем социального подавления по поводу якобы существующих «эпидемий» и «пандемий») до локальных и масштабных военно-террористических актов и акций на уровне целых регионов и стран.

Ж. Бодрийяр, аналогично многим иным рассматривающим проблему счастливой старости и долгожительства исследователям, дает интересное описание расчеловечивания, десубъективизации общества потребления, в том числе в фазе надзорного капитализма: «Настоящая пассивность заключается в беззаботном соответствии с системой „динамических“ кадров с живыми глазами и широкими плечами, совершенно адаптированных к современной активности» (Бодрийяр 2006: 232). Старея, такой человек, несомненно, выполнит предлагаемый ему сценарий более или менее раннего, в том числе «отложенного» умирания, но никогда не поставит и не будет решать задачи самоактуализации, даже задачи самопринятия (принятия своего опыта) для него оказываются слишком сложными, поэтому «отложенное старение» становится суммой страхов и попыткой защититься от них, прибегая к медицинским, косметологическим и иным средствам, истощающим оставшиеся у человека ресурсы. Многие пожилые и старые люди в нашей стране поэтому, распределяя имеющиеся у них ресурсы, даже не пытаются ставить задачи саморазвития.

Заключение

Мифологема «отложенного старения» в современной практике и теории сопровождения развития человека в период взрослости является одним из симулякров, позволяющих описывать попытки стареющих людей оставаться людьми и решать задачи самоактуализации как самоосуществления, вопреки окружающему их принуждению к умиранию после завершения в разной мере успешных попыток самореализации.

Симуляция «отложенного старения» связана с поиском новых или удержанием старых сфер социального осуществления без переосмысления не только отношений общества и государства к стареющим людям, но и к людям вообще. Решить проблему «отложенного старения» в ближайшее время отчасти способно только государство-церковь, функционирующее на основе нравственных, а не правовых законов и представляющее собой совокупность механизмов прямой / глубинной демократии. Цифровые технологии могут частично обеспечить реализацию этих механизмов, однако ведущим процессом является переход от идей ужесточения государственного и социального насилия в форме построения разветвленной и единой системы юридических законов, ориентированных на кастомизированное сообщество, обеспеченной многочисленными инструментами принуждения (включая те, что предоставляет выстроенный по модели паноптикума цифровой концлагерь и вспомогательные к нему инструменты тюрем и иного добровольно-принудительного сокращения / уничтожения населения), к идеям, чья продуктивность уже показана в ряде посткапиталистических стран: уважение человеческого достоинства и жизни как высшей ценности.

В настоящее время, как и предсказано ведущими социологами, критиками капиталистической системы (Т. Адорно, Г. Маркузе, Дж. Бодрийяр и др.), идет период и скрываемого накопления противоречий и противостояния, который каждая из сторон надеется завершить достижением поставленных целей: целей выживания, размножения и превосходства некоторой касты («золотой миллион») существ или целей развития и совершенствования человека. В ряде регионов, однако, таких как Китай, Северная Корея и иных тоталитарных и высокоруптурированных сообществах, этот процесс находится на стадии завершения. Так, опасность третьей масштабной мировой войны связывают именно с Северной Кореей и Китаем: странами, где население доведено или планомерно доводится с помощью различных инструментов социально-государственного принуждения, включая цифровой концлагерь и тоталитарную диктатуру с воплощающим ее культом некой «избранной» (демократически и / или «божественно») личности, «великого» и бессменного руководителя, до состояния «говорящего орудия», расчеловеченности. И, несмотря на декларируемую ценность жизни человека, долгожительства и здоровья, забота о них и «отложенной старости» есть лишь забота наживы.

Поэтому реальная помощь человеку — на всех этапах его развития — это помощь в осознании, постановке и достижении задач

самоактуализации и, таким образом, самореализации, но — не наоборот. Социальные рейтинги, службы социальной и психологической помощи не могут работать там, где они фиксируют показатели и пути самореализации человека. Лучшее, что можно сделать в текущих условиях, — не мешать человеку жить, становиться собой и совершенствоваться. Уже это невмешательство в жизнь человека для современных сообществ, государств и надгосударственных структур является практически невыполнимой задачей.

Источники

Абрамова Г. О пожилом возрасте (51–65 лет). О старости (старше 65 лет) // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 464–489.

Адлер А. Наука жить. — Киев: Port-Royal, 1997. — 400 с.

Александрова М. Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. — СПб.: Нева, 2004. — 324 с.

Алиев Дж. Ф., Бородулина С. А. Проект платформы социального скоринга (материалы к Ученому совету РГСУ) // РГСУ life. — 2022. — 7 сент. — URL: https://rgsu.net/about/activities/press_centre/life/platform/rgsu-life_20.html (дата обращения: 15.03.2023).

Альперович В. Н. Социальная геронтология. — Р-н/Д.: Феникс, 2005. — 315 с.

Анцыферова Л. И. Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы? // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — 734 с. — С. 564–575.

Анцыферова Л. И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — 734 с. — С. 490–511.

Арефьева Т. К. Социальные проблемы пожилых в современном российском обществе // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 125–126.

Арпентьева М. Р. Конфликтная компетентность и интегративная модель кризисной терапии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2019. — № 13. — С. 16–21.

Арпентьева М. Р. Отношения пожилых и старых людей к себе и миру и варианты психологической помощи // Клиническая геронтология. — 2017. — Т. 23, № 9–10. — С. 4–6.

Арпентьева М. Р. Психолого-педагогические условия взросления и стратегии понимания себя и мира // Вестник Донецкого пед. ин-та. — 2018. — № 2. — С. 79–88.

Бетина Е. М. Самореализация личности в пожилом возрасте через преодоление возрастного кризиса: дис. ... канд. психол. наук. — Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2007. — 177 с.

Бовуар де С. Старость // Социальная геронтология: Современные исследования. — М.: РАН, 1994. — С. 17–40.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Послесл. и примеч. Е. А. Самарской. — М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 269 с.

Бороздина Л. В., Молчанова О. И. Особенности самооценки в позднем возрасте // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 538–563.

Бохан Т. Г., Стоянова И. Я., Ульянич А. Л., Шабаловская М. В., Скавинская Е. Н., Кузин А. Ю., Терехина О. В., Боженкова К. А. Психологическое консультирование. Ч. 2: Психологическое консультирование в социальных практиках психологической помощи. — Томск: Изд. Дом Томского гос. ун-та, 2017. — 164 с.

Братусь Б. С. К проблеме развития личности в зрелом возрасте // Вестник Московского ун-та. Сер. 14: Психология. — 1980. — № 2. — С. 9–12.

Востоков В. Ф. Тайны тибетской медицины. — М.: Диля, 2000. — 224 с.

Вульфов Б. З. Пожилые люди: драма невостребованности. Пожилой человек: проблемы возраста и аспекты социальной защиты: Межвузовский сб. научных работ / Отв. ред. Н. Б. Шмелева. — Ульяновск: Изд-во филиала МГУ им. Ломоносова, 1995. — С. 40–42.

Гюнтер Э., Кемпфе Л., Либберт Э., Мюллер Х. Основы общей биологии / Под ред. Э. Либберта. — М.: Мир, 1982. — 440 с.

Дмитриев А. В. Социальные проблемы людей пожилого возраста. — СПб.: Питер, 2005. — 254 с.

Карсаевская Т. В., Шаталов А. Т. Философские аспекты геронтологии. — М.: Знание, 2000. — 308 с.

Краснова О. В., Лидерс А. Г. Психология старости и старения. — М.: Академия, 2004. — 288 с.

Крицкая Г. В. Психологические аспекты третьего возраста. — М.: Наука, 2004. — 308 с.

Левин П. Око настоящего возрождения. Все 7 тибетских жемчужин в одной книге. — М.: АСТ, 2010. — 130 с.

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 2007. — 480 с.

Ливенхед Б. Кризисы жизни — шансы жизни. — Калуга: Духовное познание, 1994. — 224 с.

Марцинковская Т. Д. Особенности психического развития в позднем возрасте // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 334–338.

Маслоу А. Г. Мотивация и личность. — СПб.: Евразия, 1999. — 420 с.

Медведева Г. П. Введение в социальную геронтологию. — М.; Воронеж: МПСИ, 2000. — 315 с.

Мелёхин А. И. Психологические модели успешного старения (обзор зарубежных исследований) // Психологический журнал международного университета природы, общества и человека «Дубна». — 2014. — № 2. — С. 44–61.

Милькаманович В. К. Основы социальной геронтологии. — Минск: Беларусь, 2008. — 191 с.

Минигалиева М. Р. Взрослость: типы и контексты анализа // Психология зрелости и старения. — 2000а. — № 1. — С. 5–18.

Минигалиева М. Р. Личностные типы и социальные контакты людей позднего возраста // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004а. — С. 350–364.

Минигалиева М. Р. Проблемы и ресурсы пожилых // Отечественный журнал социальной работы. — 2004б. — № 3. — С. 21–24.

Минигалиева М. Р. Психотерапия как процесс взросления личности и развития понимания // Психология зрелости и старения. — 2000б. — № 4. — С. 76–94.

Минигалиева М. Р. Социально-психологические и социологические аспекты взрослости: проблемы социализации взрослой личности (программа спецкурса) // Психология зрелости и старения. — 2000в. — № 3. — С. 37–52.

Минигалиева М. Р. Социальные представления о здоровье и проблемы психологической помощи пожилым людям // Психология зрелости и старения. — 2000г. — № 2. — С. 37–44.

Минигалиева М. Р. Тренинг «возрасты жизни» и развитие взаимопонимания между людьми разных возрастных групп // Психология зрелости и старения. — 2001. — № 1. — С. 64–89.

Минигалиева М. Р. Фазы и проблемы развития взрослой личности // Психология зрелости и старения. — 2003. — № 3. — С. 26–31.

Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарко А. М. Человек и биосфера. Опыт системного анализа и эксперименты с моделями. — М.: Наука. Гл. ред. физико-математической литературы, 1985. — 272 с.

Москвичева Л. Н. Адаптация людей пожилого возраста в современной ситуации (два образа старения) // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 143–145.

Муродова М. Х.-К. Календари мая // European Science. — 2019. — № 4 (46). — С. 17–19.

Попова Т. А. Смысловые ориентации и локус контроля личности как ресурсы благополучного старения // Вестник Пермского гос. гуманитарно-педагогического ун-та. Сер. 1: Психологические и педагогические науки. — 2019. — № 1. — С. 49–58. — DOI: 10.24411/2308-7218-2019-00006.

Пряжников Н. С. Личностное самоопределение в преклонном возрасте // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 445–463.

Рогозин Д. М. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. — 2012. — № 4. — С. 62–93.

Сапогова Е. Е. Экзистенциальная психология взрослости. — М.: Смысл, 2013. — 400 с.

Сахарова Т. Н. Эмоционально-нравственная сфера пожилых людей (опыт психологического исследования). — М.: Прометей, 2011. — 140 с.

Сенкевич Л. В., Шагидаева А. Б. Экзистенциальные проблемы личности в современной зарубежной геронтопсихологии: результаты анализа исследований за последние пять лет // Современная зарубежная психология. — 2017. — Т. 6, № 3. — С. 22–29.

Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Психология и педагогика. — 2018. — Т. 8, вып. 3. — С. 243–257.

Стрижицкая О. Ю. Основы психогеронтологии. — СПб.: СПбГУ, 2016. — 77 с.

Стюарт-Гамильтон Я. Психология. — СПб.: Питер, 2010. — 320 с.

Уроженко В. В. Проректор по научной деятельности В. В. Уроженко о проекте «Мы» // РГСУ life. — 2023. — 4 окт. — URL: https://rgsu.net/about/activities/press_centre/life/society/rgsu-life_346.html (дата обращения: 15.03.2023).

Фролькис В. В. Старение и увеличение продолжительности жизни. — СПб.: Питер, 2005. — 248 с.

Холостова Е. И. Социальная работа с пожилыми людьми. — М.: Изд.-торговая корпорация «Дашков и К», 2005. — 412 с.

Шапиро В. Д. Человек на пенсии (социальные проблемы и образ жизни). — М.: Академия, 2000. — 312 с.

Шаповаленко И. В. Социальная ситуация развития в пожилом возрасте // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 525–537.

Шахматов Н. Ф. Старение — время личного познания вечных вопросов и истинных ценностей // Психология старости: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2004. — С. 685–694.

Шредингер Э. Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки. — М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2002. — 92 с.

Эриксон Э. Идентичность: юность, кризис. — М.: Изд-во МГУ, 2010. — 412 с.

Юревич А. В. Старение как психологическая проблема // Наука. Культура. Общество. — 2018. — № 1. — С. 5–19.

Яркина Т. Ф. Секреты японского долголетия. Теория и практика социальной работы: отечественный и зарубежный опыт / Под ред. Т. Ф. Яркиной, В. Г. Бочаровой: в 2 т. — М.; Тула: Ассоциация социальных педагогов и социальных работников России, Рос. акад. образования, 1993. — Т. 2. — С. 63–69.

Aldwin C., Gilmer D. F. Health, Illness, and Optimal Aging: Biological and psychosocial perspectives. — New York: Springer Publishing Company, 2013. — 400 p.

Baltes M. M. The psychology of the oldest-old: The Fourth Age // Current Opinion in Psychiatry. — 1998. — Vol. 11. — P. 411–415.

Baltes P. B. Theoretical propositions of lifespan developmental psychology: On the dynamics between growth and decline // *Developmental Psychology*. — 1987. — Vol. 23. — P. 611–626.

Barnes S. F. Third age-the golden years of adulthood. San Diego State University Interwork Institute. — URL: <http://calbooming.sdsu.edu/documents/TheThirdAge.pdf> (access date: 10.10.2023).

Devereux G. Heterosexual Behavior of the Mohave Indians // *Psychoanalysis and the Social Sciences*. — 1950. — Vol. 2, no. 1. — P. 85–128.

Larouche E., Hudon C., Goulet S. Potential benefits of mindfulness-based interventions in mild cognitive impairment and Alzheimer's disease: An interdisciplinary perspective // *Behavioural Brain Research journal*. — 2015, Jan. — Vol. 1, no. 276. — P. 199–212. — DOI: 10.1016/j.bbr.2014.05.058.

Laslett P. Societal development and aging // *Handbook of aging and the social sciences* / Ed. R. H. Binstock, E. Shanas. — New York: Van Nostrand Reinhold, 1985. — P. 199–230.

Martinson M., Berridge C. Successful Aging and Its Discontents: A Systematic Review of the Social Gerontology Literature // *Gerontologist*. — 2015. — Vol. 55, no. 1. — P. 58–69.

Neugarten B. L. Age Groups in American Society and the Rise of the Young-Old // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. — 1974. — Vol. 415, iss. 1. — P. 187–198.

Saladin R. Secret a Long Life: Life up to 120 years Hunza tribes and blue zones. — New York: Independently published, 2018. — 200 p.

Socialization and the life cycle / Ed. by P. L. Rose. — New York: St. Martin's press, 1979. — 411 p.

Tornstam L. Maturing Into Gerotranscendence // *Journal Of Transpersonal Psychology*. — 2011. — Vol. 43, no. 2. — P. 166–180.

References

Abramova G. About old age (51–65 years). About old age (over 65 years old). In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 464–489. (In Russ.)

Alder A. *The Science of Living*. Kyiv, Port-Royal, 1997, 400 p. (In Russ.)

Aldwin C., Gilmer D. F. *Health, Illness, and Optimal Aging: Biological and psychosocial perspectives*. New York, Springer Publishing Company, 2013, 400 p.

Alexandrova M. D. *Problems of social and psychological gerontology*. St. Petersburg, Neva, 2004, 324 p. (In Russ.)

Aliev J. F., Borodulina S. A. Project of a social scoring platform (materials for the Academic Council of the RGSU). *RGSU life*, 2022, September 7. URL: https://rgsu.net/about/activities/press_centre/life/platform/rgsu-life_20.html (access date: 15.03.2023) (In Russ.)

Alperovich V. N. *Social gerontology*. Rostov-on-Don, Phoenix, 2005, 315 p. (In Russ.)

Antsyferova L. I. Late period of human life: types of aging and possibilities of progressive development of the individual. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 490–511. (In Russ.)

Antsyferova L. I. New stages of late life: time of warm autumn or harsh winter? In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 564–575. (In Russ.)

Arefieva T. K. Social problems of the elderly in modern Russian society. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 125–126. (In Russ.)

Arpentyeva M. R. Relationships of elderly and old people to themselves and the world and options for psychological help. *Clinical gerontology*, 2017, vol. 23, no. 9–10, pp. 4–6. (In Russ.)

Arpentyeva M. R. Conflict competence and integrative model of crisis therapy. *Current problems of the humanities and socio-economic sciences*, 2019, no. 13, pp. 16–21. (In Russ.)

Arpentyeva M. R. Psychological and pedagogical conditions of growing up and strategies for understanding oneself and the world. *Bulletin of the Donetsk Pedagogical Institute*, 2018, no. 2, pp. 79–88. (In Russ.)

Baltes M. M. The psychology of the oldest — old: The Fourth Age. *Current Opinion in Psychiatry*, 1998, vol. 11, pp. 411–415.

Baltes P. B. Theoretical propositions of lifespan developmental psychology: On the dynamics between growth and decline. *Developmental Psychology*, 1987, vol. 23, pp. 611–626.

Barnes S. F. *Third age-the golden years of adulthood*. San Diego State University Interwork Institute. URL: <http://calbooming.sdsu.edu/documents/TheThirdAge.pdf> (access date: 10.10.2023).

Baudrillard J. *Consumer Society. His myths and structures*. Afterword and note by E. A. Samarskaya. Moscow, Republic; Cultural Revolution, 2006, 269 p. (In Russ.)

Beauvoir de S. *Old age. Social gerontology. Modern research*. Moscow, RAS, 1994, pp. 17–40. (In Russ.)

Betina E. M. *Personal self-realization in old age through overcoming the age crisis*. PhD in Psychology paper. Tambov, G. R. Derzhavin Tambov State University, 2007, 177 p. (In Russ.)

Bokhan T. G., Stoyanova I. Ya., Ulyanich A. L., Shabalovskaya M. V., Skavinskaya E. N., Kuzi A. Yu., Terekhina O. V., Bozhenkova K. A. *Psychological consultation*. Tomsk, Publishing House of Tomsk State University, 2017, part 2: Psychological counseling in social practices of psychological assistance, 164 p. (In Russ.)

Borozdina L. V., Molchanova O. I. Peculiarities of self-esteem in late age. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 538–563. (In Russ.)

Bratus B. S. On the problem of personality development in adulthood. *Bulletin of the Moscow Univ. Ser 14. Psychology*, 1980, no. 2, pp. 9–12. (In Russ.)

Devereux G. Heterosexual Behavior of the Mohave Indians. *Psychoanalysis and the Social Sciences*, 1950, vol. 2, no. 1, pp. 85–128.

Dmitriev A. V. *Social problems of older people*. St. Petersburg, Piter, 2005, 254 p. (In Russ.)

Erickson E. *Identity: youth, crisis*. Moscow, Moscow State University Publishing House, 2010, 412 p. (In Russ.)

Frolkis V. V. *Aging and increasing life expectancy*. St. Petersburg, Piter, 2005, 248 p. (In Russ.)

Gunther E., Kempfe L., Libbert E., Muller H. *Fundamentals of general biology*. Moscow, Mir, 1982, 440 p. (In Russ.)

Karsaevskaya T. V., Shatalov A. T. *Philosophical aspects of gerontology*. Moscow, Knowledge, 2000, 308 p. (In Russ.)

Kholostova E. I. *Social work with older people*. Moscow, Dashkov and K Publishing and trading corporation, 2005, 412 p. (In Russ.)

Krasnova O. V., Liders A. G. *Psychology of old age and aging*. Moscow, Academy, 2004, 288 p. (In Russ.)

Kritskaya G. V. *Psychological aspects of the third age*. Moscow, Nauka, 2004, 308 p. (In Russ.)

Larouche E., Hudon C., Goulet S. Potential benefits of mindfulness-based interventions in mild cognitive impairment and Alzheimer's disease: An interdisciplinary perspective. *Behavioral Brain Research journal*, 2015, January, vol. 1, no. 276, pp. 199–212. DOI: 10.1016/j.bbr.2014.05.058.

Laslett P. Societal development and aging. In Binstock R. H., Shanas E. (eds.). *Handbook of aging and the social sciences*. New York, Van Nostrand Reinhold, 1985, pp. 199–230.

Leontyev D. A. *Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality*. Moscow, Smysl, 2007, 480 p. (In Russ.)

Levin P. *The Eye of the Real Revival. All 7 Tibetan pearls in one book*. Moscow, AST Publishing House, 2010, 130 p. (In Russ.)

Livenhodb B. *Life crises are life chances*. Kaluga, Spiritual knowledge, 1994, 224 p. (In Russ.)

Martinson M., Berridge C. Successful Aging and Its Discontents: A Systematic Review of the Social Gerontology Literature. *Gerontologist*, 2015, vol. 55, no. 1, pp. 58–69.

Martsinkovskaya T. D. Peculiarities of mental development in late age. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 334–338. (In Russ.)

Maslow A. G. *Motivation and personality*. St. Petersburg, Eurasia, 1999, 420 p. (In Russ.)

Medvedeva G. P. *Introduction to social gerontology*. Moscow, Voronezh, MPSI, 2000, 315 p. (In Russ.)

Melyokhin A. I. Psychological models of successful aging (review of foreign studies). *Dubna Psychological Journal*, 2014, no. 2, pp. 44–61. (In Russ.)

Milkamanovich V. K. *Fundamentals of social gerontology*. Minsk, Belarus, 2008, 191 p. (In Russ.)

Minigalieva M. R. Adulthood: types and contexts of analysis. *Psychology of maturity and aging*, 2000a, no. 1, pp. 5–18. (In Russ.)

Minigalieva M. R. Personality types and social contacts of people of late age. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004a, pp. 350–364. (In Russ.)

Minigalieva M. R. Phases and problems of adult personality development. *Psychology of maturity and aging*, 2003, no. 3, pp. 26–31. (In Russ.)

Minigalieva M. R. Problems and resources of the elderly. *Domestic Journal of Social Work*, 2004b, no. 3, pp. 21–24. (In Russ.)

Minigalieva M. R. Psychotherapy as a process of personal maturation and development of understanding. *Psychology of maturity and aging*, 2000b, no. 4, pp. 76–94. (In Russ.)

Minigalieva M. R. Social ideas about health and problems of psychological assistance to older people. *Psychology of maturity and aging*, 2000, no. 2, pp. 37–44. (In Russ.)

Minigalieva M. R. Socio-psychological and sociological aspects of adulthood: problems of socialization of the adult personality (special course program). *Psychology of maturity and aging*, 2000, no. 3, pp. 37–52. (In Russ.)

Minigalieva M. R. Training “age of life” and the development of mutual understanding between people of different age groups. *Psychology of maturity and aging*, 2001, no. 1, pp. 64–89. (In Russ.)

Moiseev N. N., Aleksandrov V. V., Tarko A. M. *Man and the biosphere. Experience in systems analysis and experiments with models*. Moscow, Science. Main editorial office of physical and mathematical literature, 1985, 272 p. (In Russ.)

Moskvicheva L. N. Adaptation of elderly people in the modern situation (two images of aging). In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 143–145. (In Russ.)

Murodova M. H.-K. Mayan calendars. *European science*, 2019, no. 4 (46), pp. 17–19. (In Russ.)

Neugarten B. L. Age Groups in American Society and the Rise of the Young-Old. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 1974, vol. 415, iss. 1, pp. 187–198.

Popova T. A. Meaningful orientations and personal locus of control as resources for successful aging. *Bulletin of the Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Series No. 1: Psychological and Pedagogical Sciences*, 2019, no. 1, pp. 49–58. DOI: 10.24411/2308-7218-2019-00006. (In Russ.)

Pryazhnikov N. S. Personal self-determination in old age. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 445–463. (In Russ.)

Rogozin D. M. Liberalization of aging, or work, knowledge and health in older age. *Sociological Journal*, 2012, no. 4, pp. 62–93. (In Russ.)

Rose P. L. (ed.). *Socialization and the life cycle*. New York, St. Martin's press, 1979, 411 p. Sakharova T. N. *Emotional and moral sphere of older people (experience of psychological research)*. Moscow, Prometheus, 2011, 140 p. (In Russ.)

Saladin R. *Secret a Long Life: Life up to 120 years Hunza tribes and blue zones*. New York, [Independently published, 2018, 200 p.

Sapogova E. E. *Existential psychology of adulthood*. Moscow, Smysl, 2013, 400 p. (In Russ.)

Schrödinger E. *What is life? Physical aspect of a living cell*. Moscow, Izhevsk, Research Center “Regular and Chaotic Dynamics”, 2002, 92 p. (In Russ.)

Senkevich L. V., Shagidaeva A. B. Existential problems of personality in modern foreign gerontopsychology: results of analysis of research over the past five years. *Modern foreign psychology*, 2017, vol. 6, no. 3, pp. 22–29. DOI: 10.17759/jmfp.2017060303. (In Russ.)

Sergienko E. A., Kharlamenkova N. E. Psychological factors of successful aging. *Bulletin of the St. Petersburg. State university. Psychology and pedagogy*, 2018, vol. 8, iss. 3, pp. 243–257. (In Russ.)

Shakhmatov N. F. Aging is a time of personal knowledge of eternal issues and true values. In Raigorodskiy Ya. (ed. & comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 685–694. (In Russ.)

Shapiro V. D. *A retired person (social problems and lifestyle)*. Moscow, Academy, 2000, 312 p. (In Russ.)

Shapovalenko I. V. Social situation of development in old age. In Raigorodskiy Ya. (ed.-comp.). *Psychology of old age: Reader*. Samara, BAKHRAH-M, 2004, pp. 525–537. (In Russ.)

Stewart-Hamilton Ya. *Psychology*. St. Petersburg, Piter, 2010, 320 p. (In Russ.)

Strizhitskaya O. Yu. *Fundamentals of psychogerontology*. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2016, 77 p. (In Russ.)

Tornstam L. Maturing Into Gerotranscendence. *Journal of Transpersonal Psychology*, 2011, vol. 43, no. 2, pp. 166–180.

Urozhenko V. V. Vice-Rector for Scientific Activities V. V. Urozhenko about the project “We”. *RGSU life*, 2023, October 4. URL: https://rgsu.net/about/activities/press_centre/life/society/rgsu-life_346.html (access date: 15.03.2023).

Vostokov V. F. *Secrets of Tibetan medicine*. Moscow, Dilya, 2000, 224 p. (In Russ.)

Vulfov B. Z. Elderly people: the drama of lack of demand. In N. B. Shmeleva (ed.). *Elderly people: problems of age and aspects of social protection: Interuniversity collection. scientific works*. Ulyanovsk, Publishing house of the branch of Moscow M. V. Lomonosov State University, 1995, pp. 40–42. (In Russ.)

Yarkina T. F. Secrets of Japanese longevity. In T. F. Yarkina, V. G. Bocharova (eds.). *Theory and practice of social work: domestic and foreign experience*. In 2 vols. Moscow, Tula, Association of Social Pedagogues and Social. workers of Russia, Russian Academy of Education, 1993, vol. 2, pp. 63–69. (In Russ.)

Yurevich A. V. Aging as a psychological problem. *Science. Culture. Society*, 2018, no. 1, pp. 5–19. (In Russ.)

Меньшиков Петр Викторович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, Калуга, Российская Федерация.
edeltanne@list.ru

Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент, академик Международной академии образования, член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор Российской академии естествознания, независимый исследователь, Центр психологической, педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие», Калуга, Российская Федерация.
mariam_rav@mail.ru

Menshikov, Petr V., Candidate (PhD) of Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Development and Education Psychology, K. E. Tsiolkovskiy Kaluga State University, Kaluga, Russian Federation.
edeltanne@list.ru

Arpentieva, Mariam R., Grand Doctor (Grand PhD) of Psychology, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Academician of the International Academy of Education, independent researcher, Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance “Assistance”, Kaluga, Russian Federation.
mariam_rav@mail.ru